

проблема оборачивается семиотической, для которой, по свидетельству А.Ю. Нестерова «необходимо конкретизировать общие предпосылки, при которых данная модель является возможной» [5, с. 42]. Исходя из постметафизического понимания проблем историзма, И.В. Дёмин констатирует, что «ни один ответ на универсальный философский вопрос не может иметь универсальной значимости и не является окончательным» [1, с. 92].

В условиях информационного общества онтогносеологическая проблема формулируется в идиомах популярной габитуальной опции, но элиминируется по законам прикладной, оказываясь в реалиях информационного общества либо семиотическим пережитком, либо исторически-востребованным маркером информационного контекста, лишённого аутентичной содержательной событийности, чем сама онтогносеологическая проблема не разрешается и не снимается. Это обстоятельство свидетельствует о том, что информационное общество ещё не готово к рефлексии по поводу лимитов идеации факторов реального генезиса типологических признаков собственного бытия.

Литература

1. Дёмин И.В. Семиотика и герменевтика исторического опыта. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – 273 с.
2. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 368 с.
3. Лифшиц М.А. Что такое классика? – М.: Искусство XXI век, 2004. – 512 с.
4. Лифшиц М.А. *Varia*. – М.: Грюндриссе, 2010. – 172 с.
5. Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. – 155 с.

Ю.А. Разинов

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ РЫНКА: МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ? *

(Самарский университет)

Современные проблемы гуманитарного знания, а здесь я прежде всего имею в виду науку и образование, имеют рыночную природу. Попав в зависимость от рынка, гуманитарное знание, как и знание вообще, всё больше утрачивает свою самодостаточность и самооценность. Оно становится товаром, имеющим к тому же сомнительную рыночную (меновую) стоимость. Как писал

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

Ж.-Ф. Лиотар еще в 1979 году (с отсылкой к Ю. Хабермасу), «знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою «потребительскую стоимость»¹⁶. При этом вопрос о существовании в рыночных условиях для гуманитария имеет вполне определенный смысл – «выживание».

Задача выживания сама по себе говорит о том, что гуманитарные дисциплины выдворены из символического центра, в котором они благополучно пребывали в недавнем прошлом, на периферию «экономики знания». Между тем, некоторая (незначительная) часть гуманитарной интеллигенции тешит себя надеждой «вписаться» в рынок. Поскольку торговля «смыслами» и «большими нарративами» оказывается рыночно неэффективной, гуманитарий стихийно или вынужденно (через систему грантовой поддержки) вовлекается в проекты, прямо или косвенно связанные с процессом расширения товарной формы.

Уход в междисциплинарные области, в микроисследования и описание так называемых «практик» следует рассматривать как тонкую доводку в обслуживании капитала, как его диверсификацию. Показательным примером такой диверсификации может служить целая отрасль социально-гуманитарных исследований, по-разному именуемая то как *Death Studies*, *Mortality Studies*, *Near-Death Studies*, *Queer Death Studies*, *Digital Death Studies*, то как «социология смерти», «некросоциология», а в более широком смысле – «танатология». Такого рода исследования удачно вписываются в маркетинговые стратегии, использующие символы смерти в качестве двигателя торговли и средства расширения рынка товаров и услуг. «Ирония судьбы заключается в том, что на завершающей стадии капитализма в товарную форму затянуты уже не только эрос и биос, но и танатос, а в “потребительскую корзину” включены не только “экологичность” и “здоровый образ жизни”, но и процесс умирания»¹⁷. Кроме того такие исследования обслуживают символическую систему капитализма, ориентированного на воображаемое бессмертие потребителя, сохраняющего свою «покупательскую способность» и после реальной (физической) смерти. Проплатив обслуживание сетевого аккаунта и «цифровые могилы», потребитель продолжает свою деятельность в виртуальной посмертии. Потребительскому отношению к смерти внутренне отвечает продвигаемая на рынке услуг идея позитивного отношения к смерти (*Death-positive movement*), а так же идея «цифрового бессмертия».

Маргинализация гуманитарных дисциплин, в особенности философии, имеет простое экономическое объяснение. Современный турбокапитализм

---

¹⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. С. 18.

¹⁷ Разинов Ю.А. Эклиптика смерти // Ежегодник по феноменологической философии. Вып. V. М.: изд-во РГГУ, 2019. С. 116.

(термин, введенный американским экономистом Э. Люттваком¹⁸) основан на ускорении оборота капитала, что обусловлено падением эффективности капитала в целом. Если индустриальная экономика развивается за счет пространственного расширения рынков, то постиндустриальная экономика активно использует фактор времени. Исчерпав возможности пространственного расширения рынков, она расширяет их во времени или за счет времени. Такое «расширение» имеет три аспекта: 1) ускорение транзакций (цифровая экономика); 2) оптимизация логистических схем (экономика знаний); 3) эксплуатация будущего (экономика опережающего потребления и кредита). В сумме это можно назвать «экономикой быстрых денег».

Разумеется, что в экономике турбокапитализма под ударом оказываются те сектора, которые предполагают большие капитальные инвестиции и длительный цикл оборота капитала, как например, в судостроении, энергетике, авиационной промышленности. Возврат инвестиций в тяжелой промышленности столь же долог (до 30 лет), сколько и рискован. Но точно так же дело обстоит и в фундаментальной науке, в которой открытия «окупаются» по прошествии десятилетий. «Эффективность» же гуманитарного знания измеряется историческим временем. Что касается философии или исследования культуры, то их «отдача» растягивается на века.

Если измерять и описывать процессы в гуманитарной сфере языком рынка, то философия – это «длинные деньги» культуры. Следовательно, в условиях турбокапитализма вложение в любую долгосрочную сферу – историческую науку, этнографию или лингвистику, я уже не говорю о философии, – по определению является невозвратным общественным кредитом. Отсюда и принцип финансирования, соразмерный поддержке малоимущих слоев населения. В условиях же стагнирующей экономики турбокапитализма гуманитарная сфера оказывается пресловутым чемоданом без ручки, который и нести трудно, и выбросить жалко.

Но главное заключается в том, что не известно, куда несут чемодан – к какой цели? Как писал Х. Ортега-и-Гассет ещё в 30-ом году XX века, «сегодняшняя жизнь – это плод междуцарствия, пустота между двумя формациями исторической власти – той, что была, и той, что назревает. Оттого она временна по самой своей сути. Ни мужчины толком не знают, чему им по-настоящему служить, ни женщины – каких мужчин им по-настоящему любить»¹⁹.

Отказавшись от телеологического принципа, социальная наука лишается ума, ибо ум – это не только структура, но и направление мысли (чувства, желания, действия, воли). Это способность двигаться в верном направлении,

---

¹⁸ *Luttwak E.* Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. Weidenfeld & Nicolson, London, 1998 / HarperCollins, New York, 2000.

¹⁹ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: СТ Москва, 2008. С. 166.

улавливая исторические и культурные тенденции, слыша «гул бытия» и настраиваясь на частоту его «зова».

Но направленность ума, умом не создается. Данное обстоятельство сплошь и рядом упускается современными интеллектуалами, нацеленными на тонкую проработку сложных смысловых структур. «Интеллектуалы структур» не безосновательно считают себя компетентными специалистами и экспертами в том или ином вопросе. Однако, зачастую они не видят за деревьями леса, хотя еще Гераклит заметил, что «многознание уму не научает». Многознание под видом «профессиональной эрудиции» является каноном новой академической софистики. Кто сегодня может противостоять этому консолидированному клану? Разве что юродивый – агент границы и маргинал в крайней степени.

Но вернемся к экономике, поставив вопрос следующим образом: существует ли альтернатива маргинализации гуманитарной науки и образования, и при каких условиях это возможно?

Ответ будет сильно зависеть от того, как понимать и как относиться к текущему кризису, за которым очевидно, стоит кризис экономической модели финансового глобализма.

Сегодня становится очевидным, что эпоха ускоренной глобализации вошла в стадию завершения. Это обстоятельство, однако, не отменяет процесса глобализации в исторически длительной перспективе, так как альтернативы глобальному порядку не существует. Мир уже достаточно глубоко интегрирован и вовлечён в структуру глобального разделения труда. По этой причине дилемма регионализация vs. глобализации является исторически ложной, и речь следует вести о том, что мир вступил в фазу конкуренции глобальных проектов. В эту конкуренцию уже включились Китай и Индия, но при определенных условиях и структурных изменениях в такую конкуренцию может включиться и Россия, которая в силу своей геополитической роли и культурно-исторического кода способна замкнуть на себя пространство Евразии. Это значит, что регионализация является лишь шагом назад по отношению к двум шагам вперед. Иными словами, глобализация в исторической перспективе будет осуществляться путем региональной интеграции, путем формирования новых центров, внутри которых будут выплывать альтернативные формы планетарного единства.

Текущая «самоизоляция» стран – лишь триггер такого попятного движения, которое началось раньше, а именно с «брекзита» и политики Трампа по закрытию рынков. Казус Трампа заключается в том, что страна, которая в XX веке была олицетворением трансграничного мира и которая приложила огромные усилия к падению стен и занавесов, сегодня сама строит стену на границе с Мексикой.

Между тем Дональд Трамп делает ровно то же, что до этого делали все «закрытые» режимы от Гитлера и Сталина до Хусейна и Каддафи. Он проводит политику протекционизма, выстраивает таможенные барьеры и пересоздаёт национальную элиту. Возможно, вопреки собственному намерению, он становится фигурой консолидации национальных элит в других странах.

Именно поэтому Трамп стал если не символом, то маркером консервативной революции и соответствующего тренда на регионализацию политики, экономики и культуры.

Для гуманитарной сферы регионализация открывает перспективы, связанные с актуализацией особенного. Особенное – вот, что является камнем преткновения абстрактно-всеобщей логики капитализма. Главными островами особенного и очагами его сопротивления являются национальная культура, язык, история, семья, родина – большая или малая. Но именно особенное, а не абстрактно-всеобщее, является предметом гуманитарного мышления. А следовательно «запрос» на него со стороны государства и окрепших национальных элит вытаскивает, мы надеемся, гуманитарную сферу из того захолустья, на которое его обрекла «невидимая рука рынка».

Процесс регионализации глобального процесса не следует именовать термином «глокализация», который скомпрометирован тем, что хотя и был призван к тому, чтобы учитывать региональную специфику рынков, с самого начала служил инструментом глобалистского фундаментализма – его логической доводкой.

Литература

1. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
2. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: СТ Москва, 2008.
3. Разинов Ю.А. Эклиптика смерти // Ежегодник по феноменологической философии. Вып.V. М.: изд-во РГГУ, 2019. С.114–134.
4. Luttwak, Edward. Turbo capitalism. Winners and Losers in the Global Economy" — Weidenfeld & Nicolson, London, 1998 / HarperCollins, New York, 2000.

Н.В. Родионов, Р.С. Загидуллин

НОВИЗНА ИЗОБРЕТЕНИЙ В ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ И СПОСОБЫ ЕЁ ДОСТИЖЕНИЯ

(Самарский университет)

Аннотация: техника, которая содержит изобретения, является конкурентоспособной на мировом рынке. При этом изобретения, которые характеризуются наиболее оптимальным уровнем новизны, способны удовлетворять актуальные потребности общества. Проблема заключается в том, что достижение новизны должно регулироваться современными методами по управлению созданием новой техники. Решением проблемы является использование робастных и экспертных методов создания новой техники, которые направлены на установление приоритетных параметров будущего